

М. Маазинг

**«РУССКАЯ ОПАСНОСТЬ»
В ПИСЬМАХ РИЖСКОГО АРХИЕПИСКОПА
ВИЛЬГЕЛЬМА ЗА 1530–1550 гг.**

Первая половина XVI в. вошла в историографию Ливонии как мирный период перед вторжением России в 1558 г. и последовавшего за этим распада небольших местных государств. Это отнюдь не означало, что отношения между Ливонией и Россией оставались в тот период безоблачными. В ливонских источниках постоянно отражается нарастание боязни перед мощным соседом. Правда, здесь возникает вопрос, в какой мере это было риторическим аргументом, а в какой мере — угрозой реальной опасности. В это время в отношениях между Россией и Ливонией не было серьезных раздоров. Они возникли только в 1554 г. в связи с предъявлением Иваном IV посланникам Ливонии требования уплаты т. н. «юрьевской дани».

В настоящей статье рассматривается отражение русской опасности в переписке Рижского архиепископа, Бранденбургского маркграфа Вильгельма, со своим братом, герцогом Пруссии Альбрехтом в 1530–1554 гг. Переписка архиепископа дает возможность увидеть проблему в более широком контексте, чем это позволяет преобладающий в историографии подход с позиций Тевтонского ордена Ливонии.

Русская опасность, сильнее всего выражавшаяся в страхе перед нашествием восточного соседа, возникла в Ливонии во второй половине XV в., когда в результате «Собирания русских земель» граница Великого княжества Московского дошла до реки Наровы. Прежняя расстановка сил между государствами Ливонии и Новгородской и Псковской землями решительно сдвинулось в пользу русских. Ливонцам стало вскоре ясно, что больше невозможно решать спорные вопросы с восточными

соседями с помощью небольших пограничных войн. Для этого, правда, было сделано еще две попытки в 1480–1481 и 1501–1503 гг., но оба военных столкновения показали, что Ливония одна не в состоянии справиться с Великим княжеством Московским.

Однако союз с более сильными соседями, в первую очередь с Польшей, мог подвергнуть опасности независимость самой Ливонии. Поэтому решено было выбрать политику нейтралитета. Благодаря этому удавалось сохранить мир на протяжении 50 лет, с 1503 по 1558 г., но вместе с тем был упущен шанс создать коалицию на случай, если Россия все же решит напасть на Ливонию¹. Видимо, именно из-за этого ливонские политики постоянно испытывали боязнь перед Россией: знали, что самим перед ней не устоять, но и на помощь было мало надежды².

Тематика русской опасности в последние десятилетия средневековой Ливонии широко представлена в нарративных памятниках. Из сочинений, созданных до Ливонской войны, особенно выделяется пропагандистское произведение «Eynne schonne hysthorie» (1508), автором которого считается секретарь магистра ордена Вальтера фон Плеттенберга, а позднее Тартуский епископ, Христиан Бомховер. Он трактовал события войны 1501–1503 гг. между Ливонией и Москвой как успешную войну против неверных, критиковал схизматиков. Этот труд получил довольно широкую известность в Германии³.

Исходящую от Руси постоянную опасность ливонцы также подчеркивали в многочисленных письмах, отправляемых в Священную Римскую империю. В 1526 г. в письме Вальтера фон Плеттенберга утверждалось, что Ливония находится на краю христианского мира. Кроме «еретика», герцога Пруссии (бывший великий мастер Тевтонского ордена Альбрехт в 1525 г. превратил Пруссию в секуляризованное герцогство и официально признал лютеранство), можно было в любую минуту ожидать нападения российских схизматиков и Литвы⁴.

Постоянное упоминание угрожающей опасности помогло ливонцам избежать уплаты некоторых имперских налогов, в особенности — общеимперского налога на формирование армии для войн с Османской империей. Однако иной видимой пользы это не принесло, скорее даже способствовало отчуждению Ливонии от Германии, так как тамошние князья были не слишком заинтересованы в том, чтобы помогать тем, кто не желает помогать империи.

¹ О внешней политике Ливонии в XVI в см.: *Kentmann R.* Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik 1494–1514 // *Beiträge zur Kunde Estlands*. 1929. Bd 16. H. 3/4. S. 85–160; *Wimmer E.* Die Russlandpolitik Wolters von Plettenberg // *Wolter von Plettenberg — der grösste Ordensmeister Livlands*. Lüneburg, 1985. S. 71–99; *Wimmer E.* Livland — ein Problem der habsburgisch-russische Beziehungen zur Zeit Maximilians I? // *Deutschland—Livland—Russland: Ihre Beziehungen vom 15. bis 17. Jahrhundert*. Lüneburg, 1988. S. 53–110.

² О проблематике «русской опасности» см.: *Selart A.* Eesti idapiir keskajal. Tartu, 1998. Lk. 119–127.

³ *Eynne schonne hysthorie van vunderlyken gescheffthen der heren tho lyfflanth myth den Rüssen unde Tatoren* // *Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. Reval, 1861. Bd VIII. S. 113–225. Ср.: *Benninghoven F.* Russland im Spiegel der livländischen schonnen hysthorie von 1508 // *Rossica externa: Studien zum 15.–17. Jahrhundert*. Festgabe für Paul Johansen zum 60. Geburtstag. Marburg, 1963. S. 11–35.

⁴ *HA 1*. S. 31–32. № 24/1.

Когда, однако, заключенное в начале 1530-х гг. 20-летнее перемирие с Великим князем Московским начало истекать и военные действия Ивана IV против Казани и Астрахани оказались успешными, в Ливонии стали все больше опасаться войны с восточным соседом. Начиная с 1540-х гг., у ливонцев все чаще возникали проблемы с русскими: распри из-за границ, попытки препятствовать проезду ружейных мастеров Западной Европы на службу к русским, и, наконец, в 1548 г. пресловутое дело Ганса Шлитте⁵, в котором был замешан и сам император Карл V. Эти проблемы были осложнены в 1550-х гг. невыгодными для Ливонии договорами о перемирии, невыполнение которых привело, как известно, к началу Ливонской войны.

Как уже говорилось выше, русская опасность рассматривалась во многих отправленных Ливонским орденом письмах. Однако орден представлял только одну, хотя и самую сильную политическую власть в Ливонии. Рядом с ним были ландсгеррами епископы, в первую очередь Рижский архиепископ, который пользовался почти таким же политическим влиянием, как и магистр ордена. Их точки зрения оказывались нередко противоположными, как по вопросам внутренней, так и внешней политики. Именно подобными противоречиями характеризуется описываемый нами период: ставший в 1539 г. рижским архиепископом маркграф Вильгельм опирался во внешней политике как на Пруссию, так и на Польско-Литовское государство (в этих государствах вначале правил его дядя Сигизмунд I Старый, позднее — кузен Сигизмунд II Август). Орден же хотел иметь поддержку, прежде всего от императора и в меньшей мере от Скандинавских стран, в первую очередь от Швеции⁶.

Во внутренней политике отношения архиепископа и ордена омрачались ссорой из-за принадлежности города Риги, которая по заключенному в 1546 г. соглашению получила, правда, формальное урегулирование — город должен был, согласно Кирхгольмскому (Саласпилскому) договору от 1452 г., присягнуть в верности и ордену, и архиепископу⁷. Но в действительности конфликт продолжался, город Рига не хотел пребывать под властью архиепископа и его капитула и предпочитал, напротив, поддерживать орден⁸. В итоге затяжной конфликт вылился в 1556 г. в последнюю междоусобную войну в Ливонии между лагерем архиепископа и орденом.

Отношения с Россией почти никогда не были главной темой в письмах маркграфа Вильгельма. Прибыв в 1529 г. в Ливонию коадьютором тогдашнего архиепископа Томаса Шеннинга, он неоднократно писал своему брату Альберту о связанных с Россией событиях еще задолго до своего становления архиепископом. Первый раз это было связано с заключением 20-летнего перемирия в 1531 г. Вильгельм

⁵ *Diestelkamp B.* Eine versuchte Annäherung Zar Iwans IV., des Schrecklichen, an den Westen. Ein Reichskammergerichtsprozeß, der dies nahelegt // *Reich, Regionen und Europa in Mittelalter und Neuzeit. Festschrift für Peter Moraw / Hrsg. von P.-J. Hedinig u. a.* Berlin, 2000. S. 305–322.

⁶ О политике датского короля см.: *Rasmussen K.* Die Livländische Krise 1554–1561. København, 1973. S. 38–45.

⁷ НА 3. S. 343–344. № 1342.

⁸ Договор между городом и архиепископом был заключен только в 1551 г. (НА 4. S. 22–24. № 1542), но вплоть до 1556 г., как пишет Вильгельм, он не мог достичь хороших отношений с Ригой (Ibid. S. 259–260. № 1795).

сетовал, что новый договор о перемирии якобы менее выгодный, чем предыдущий, хотя, в общем-то, он не менял отношений между Россией и Ливонией⁹. Ливонцы продолжили свою политику нейтралитета как в направлении Руси, так и Польши-Литвы. Хотя русские требовали в мирном договоре свободной торговли своим торговцам и учреждения попечительства над расположенными в городах Ливонии православными храмами, очевидно, что на самом деле их удовлетворяло уже одно то, чтобы ливонцы не вступали в союз с Польшей-Литвой¹⁰.

Российская проблематика снова встала на повестке дня осенью 1532 г., когда маркграф Вильгельм пытался стать Сааремааским епископом. Ему удалось завладеть Ляэнемаа, но Сааремаа и Хийумаа остались верными епископу Рейнгольду фон Буксгевдену. Между Вильгельмом и Буксгевденом вспыхнула теперь острая борьба, которая вначале была дипломатической, но в 1533 и 1534 гг. стала уже по-настоящему кровопролитной. Маркграф Вильгельм и поддерживающие его ляэнемааские дворяне пытались использовать против Буксгевдена все дипломатические средства.

Дворяне и кафедральный капитул Хаапсалу жаловались в письме к папе и на то, что не годящийся в епископы Буксгевден был избран неуместно поспешно, в то время как Швеция и Россия находились опасно близко, и поэтому был срочно нужен ландесгерр. Теперь же они, мол, признают свою ошибку и просят заменить Буксгевдена Вильгельмом¹¹.

Снова слова «русская опасность» были использованы в политической игре несколько месяцев спустя, когда герцог Пруссии Альберт посоветовал Ливонскому ордену больше сосредоточиться на защите от России, а не поддерживать тесные связи с Тевтонским орденом в Германии и императором, а также не «преследовать» герцога и маркграфа Вильгельма¹². В то же время магистр ордена Вальтер фон Плеттенберг старался удержать польского короля от вмешательства в сааремааскую распрю именно тем, что подчеркивал их единодушие по антироссийскому вопросу¹³.

Более серьезно российский вопрос встал в письмах ливонцев осенью 1533 г., когда маркграф Вильгельм сообщил брату, что у восточной границы Рижского архиепископства близ крепости Виляка русские уничтожили 80 деревень¹⁴. Но на самом деле русские некоторое время не могли уделять внимания Ливонии. Дело в том, что в конце 1533 г. умер Василий III, а в 1534 г. вспыхнула война между Россией

⁹ Переговоры о продлении договора на 1.10.1531 – 1.10.1551 начали в начале 1531 г. (НА I. S. 167–170. № 170), окончательно договор ратифицировали только на ландтаге в начале 1532 г., когда ливонцы жаловались, что новый договор менее выгоден, чем прежний (Ibid. S. 268–269. № 257). Ср. тексты договоров: Русско-ливонские акты. Ред. К. Е. Напьерски. СПб., 1868. С. 329–344. № 369 (1521) и С. 358–368. № 377 (1531).

¹⁰ См.: *Tiberg E.* Moscow, Livonia and the Hanseatic League 1487–1550. Stockholm, 1995. P. 173–186. — Пункт о церквах и запрет союза с Литвой, в самом деле, уже содержались в более ранних договорах, например, 1509 г. (Русско-ливонские акты. С. 257–268. № 306–307).

¹¹ НА I. S. 338–339. № 324. Ср.: *Maasing M.* Die Wiaksche Fehde (1532–1536) und Markgraf Wilhelm von Brandenburg // *Forschungen zur baltischen Geschichte.* 2010. Bd 5. S. 11–35.

¹² НА I. S. 386–388. № 380.

¹³ Ibid. S. 391. № 385.

¹⁴ НА I. S. 477. № 479. — О пограничных конфликтах в Латгалии см. ниже.

и Литвой¹⁵. Стабилизации отношений между Ливонией и Москвой способствовало, очевидно, и то, что после смерти Вальтера фон Плеттенберга в 1535 г. был снова подтвержден изначально на 20 лет заключенный договор о перемирии. По данным гофмейстера Вильгельма Мейнеке фон Ширстедта, этого договора должно было хватить еще на 18 лет¹⁶.

Видимо, та же тяжба с Россией продолжилась уже в конце 1536 г. По словам маркграфа Вильгельма, русское войско в 35 000 человек опустошило Тартуское епископство (конечно, это было большим преувеличением)¹⁷, так как в Тарту был якобы заключен в тюрьму один русский купец¹⁸. Чувствуется, что в Ливонии возник серьезный, хотя и кратковременный страх перед войной. Однако уже через несколько месяцев, в начале 1537 г., гофмейстер Ширстедт сообщил, что в России большие междоусобные раздоры, и на Ливонию, по всей вероятности, нападать не собираются¹⁹.

Вскоре и сами русские сообщили, что именно из-за ареста русского купца совершались опустошительные набеги на Тартуское епископство, теперь же обещано разрешить конфликт мирным путем²⁰. Ливонцы также подтвердили на состоявшемся в октябре ландтаге, что все спорные вопросы с русскими нужно разрешать мирным путем на совместных съездах²¹. В ноябре маркграф Вильгельм мог с явным облегчением сообщить своему брату, что в России брат великого князя Василия III (Андрей Иванович)²², вызвавший переполох, заточен в тюрьму, и теперь войска Москвы сосредотачиваются на войне против татар²³.

В дальнейшем ливонцы использовали лозунг «русской опасности» как повод для избавления от уплаты общеимперского налога против турок и прочих податей. В мае 1539 г. маркграф Вильгельм сообщил своему брату Альбрехту, что получение из Ливонии помощи против Турции маловероятно, так как ей постоянно грозит «русская опасность»²⁴. Альбрехта, для которого был очень важен военный поход против неверных, такой ответ не удовлетворил. Потому проблематика ту-

¹⁵ После смерти Василия III Альбрехт предполагал, что собрание войск ордена связано именно с этим (НА 1. S. 552–553. № 574). В 1535 г. в Ливонии опасались, что литовско-московская война может угрожать и Ливонии (НА 2. S. 209–210, 271. № 784, 843). Также боялись шведско-русского союза (Ibid. S. 281. № 851) и новых русских укреплений на ливонской границе (Ibid. S. 277. № 848).

¹⁶ НА 2. S. 264. № 837. — Более вероятно, все-таки, что длительность перемирия не изменили, и сроком остался 1551, а не 1553 г. Ср.: *Кашианов С. М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источникововедения. Москва, 2006. Т. 1 (12). С. 167–297.

¹⁷ Тартуский епископ имел в 1533–1534 гг. переписку с князем Михаилом Глинским. См.: *Kivimäe J.* 1) Ein Kamel für Dorpat und ein Truthahn für Moskau. Geschenksendungen zwischen Livland und Russland im Jahr 1534 // Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert. Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Institut Nordostdeutsches Kulturwerk: Lüneburg, 1996. S. 233–248; 2) Peter Frjazin or Peter Hannibal? An architect in Late Medieval Russia and Livonia // FOG. 1996. Bd 52. S. 21–28.

¹⁸ НА 2. S. 330–331. № 894.

¹⁹ Ibid. S. 335–336, 348–349. № 900, 915.

²⁰ Ibid. S. 363–364. № 928/IV, a-b.

²¹ Ibid. S. 381–382. № 950.

²² Гофмейстер Ширстедт сообщил Альбрехту, что брат бывшего великого князя Андрей собирался во главе 60 000 человек свергнуть Ивана IV (Ibid. S. 371. № 932).

²³ Ibid. S. 386. № 958.

²⁴ Ibid. S. 430. № 1016.

рецкой войны еще некоторое время обсуждалась в переписке братьев. Осенью того же года только что занявший должность архиепископа Вильгельм пообещал, что если потребуется, он лично готов вступить в войну против Турции, но у него не хватает войска²⁵.

После этого обсуждение темы прервалось более чем на два года, пока в конце 1541 г. Альбрехт не попросил Вильгельма снова активнее заняться антитурецкой помощью, чтобы получить ее со всей Ливонии, и если это не увенчается успехом, то пусть он один поддержит²⁶. В начале 1542 г. Вильгельм и его слуги сообщили однако, что обсуждение вопроса по оказанию помощи против Турции решено отложить²⁷. По всей вероятности, войну против Турции не поддерживал и Вильгельм. Во всяком случае, по этому вопросу в переписке братьев больше речи не заходило. В начале 1544 г. распространился слух, будто германский король Фердинанд I поручит защиту Ливонии от «русской опасности» польскому королю, ибо ливонцы, ссылаясь на «русскую опасность», не вносят, как другие представители «христианского мира», никаких средств для борьбы с Турцией. Но это, вероятно, были просто слухи²⁸.

Однако уже в конце 1539 г. вопрос «русской опасности» в Ливонии вновь стал актуальным. Русские войска вторглись на земли Рижского архиепископства и опустошили его восточную часть близ Виляка. Вильгельм пообещал известить об этом псковского наместника и искать решение конфликта²⁹. Псковичи, как утверждалось, захватили часть земли латгальского городка Виляка (т. н. Пурнове или Пурнау) и основали там город Вышгородок³⁰. Орден утверждал, явно преувеличивая, будто русские страшно опустошили восточные земли архиепископства и увели с собой 10 000 крестьян. Русская же сторона связывала свое нападение с нападением подданных архиепископа на русских на этих землях³¹. Вильгельм ответил на это, что в самом деле было наоборот; русские немного опустошали приграничную территорию, но он готов отправить в Россию послов для переговоров³². Весной 1541 г. магистр ордена Герман фон Брюнгеней сообщил, что переговоры о границе с русскими должны состояться 15 июня того же года³³. Видимо, сторонам удалось как-то договориться, так как в последующей переписке об этом конфликте больше не упоминается.

Весной 1543 г. в переписке с папой Вильгельм назвал «русскую опасность» также одной из причин, почему он не может принять требующееся для должности

²⁵ Ibid. S. 450. № 1037.

²⁶ HA 3. S. 97–98. № 1147.

²⁷ Ibid. S. 106, 111. № 1160, 1164.

²⁸ Ibid. S. 212. № 1233/1.

²⁹ HA 2. S. 458–459. № 1044.

³⁰ Stern C. v. 1) Livland Ostgrenze im Mittelalter vom Peipus bis zur Düna // Mitteilungen aus der Livländischen Geschichte. Riga, 1924–1926. Bd 23. S. 225–234; 2) Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert // Baltische Monatshefte. 1937. S. 69–79; 3) Die Pleskauer Annexion von 1476 // Ibid. S. 148–156; Назарова Е. Л. Из истории псковско-латгальского порубежья (округ Арене в исторической ретроспективе) // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 1. С. 189–197.

³¹ HA 3. S. 8. № 1073.

³² Ibid. S. 14. № 1075/2, ср.: S. 36. № 1090.

³³ Ibid. S. 46. № 1098/5.

епископа посвящение в священники. Если он сделает это, то раздражит как многих имеющих в Ливонии протестантов (себя Вильгельм, будучи протестантом, изобразил перед папой примерным католиком), так и схизматиков-русских за границей, и в стране может возникнуть большое смятение³⁴. В посвящении Вильгельма был заинтересован главным образом Ливонский орден, так как в таком случае заметно уменьшилась бы опасность того, что архиепископ секуляризует свои владения. Кроме того, согласно заключенному в 1451 г. договору, он должен был, став священником, вступить в Тевтонский орден. Вильгельм сумел уклониться от посвящения до самой своей смерти.

Весной 1546 г. в Рижском архиепископстве были задержаны несколько стрелков, которые пытались, вопреки запрету, пробраться через границу в Россию³⁵. Поступление техники и знаний из Западной Европы в Россию вызывало страх у ливонцев. Однако одной блокады со стороны Ливонии было недостаточно для изоляции Москвы от Запада. Многие мастера прибывали в Москву через Литву³⁶, оттуда можно было переправиться и по Балтийскому морю в обход Ливонии, а с 1553 г. и по Северному морю, плывя в Архангельск. После провала миссии Ганса Шлитте император Карл V из Священной Римской империи запретил везти в Россию военное снаряжение и отпускать туда специалистов по военному делу. Шлитте пытался, вопреки запрету, продолжить осуществление «российского плана», но эта попытка все же провалилась³⁷. Случаи со Шлитте и арестом стрелков ухудшили отношения ливонцев и Москвы. Поэтому возник вопрос, возможно ли вообще продление перемирия на приемлемых условиях или придется готовиться к войне? Вильгельм советовался с Альбрехтом по этому вопросу уже в июне 1547 г.³⁸ Тот ответил, что если достижение мира невозможно, то разумно создать союз с соседними силами, прежде всего с Польшей, Данией и Швецией³⁹. На ландтаге 1548 г. Вильгельм выступил с этой идеей, но сословия не сочли данный союз необходимым⁴⁰.

В 1550 г. послы Ливонии направились в Москву для продления перемирия. Но там их упрекнули в союзе с Литвой, плохом обращении с купцами и препятствовании провозу военного снаряжения. Мир удалось продлить на существующих условиях

³⁴ Ibid. S. 175–176. № 1208/3.

³⁵ Ibid. S. 335–336. № 1334. — Стрелков, пытавшихся проехать в Россию, судили еще осенью 1547 г. Одновременно Вильгельм приказал усилить стражу на восточной границе архиепископства, особенно у Виляка (Ibid. S. 427. № 1427). Он также засылал шпионов во Псков (Ibid. S. 449. № 1451). См.: *Esper T. A Sixteenth-Century anti-Russian Arms Embargo // JGO. 1967. Bd 15. P. 180–196. Ср.: Kruus H. Vene-Liivi sõda (1558–1561). Tartu, 1924. Lk. 11–12; Selart A. Eesti idapiir... Lk. 126–127.*

³⁶ *Filjushkin A. Ivan the Terrible: A Military History. London, 2008. P. 42–43, 52–56.*

³⁷ *Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien; Leipzig: Braumüller, 1906. Bd 1: von 1488–1605. S. 289–307; Hahnemann H. Hans Schlitte. Ein Goslarer Abenteurer des 16. Jahrhunderts. // Unsere Diözese in Vergangenheit und Gegenwart. Zeitschrift des Vereins für Heimatkunde im Bistum Hildesheim. Hildesheim 1963. Bd 32. S. 38–47; Фречнер Р. Новые источники о миссии Г. Шлитте // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. М., 2006. С. 144–146. — О ливонских заботах в связи с Шлитте см.: НА 3. S. 450, 471–472, 475. № 1452, 1474, 1477.*

³⁸ Ibid. S. 385. № 1387.

³⁹ Ibid. S. 392, 393–394. № 1392, 1394.

⁴⁰ Ibid. S. 451. № 1455.

только на один год⁴¹. В случае благоприятного для Москвы разрешения спорных вопросов он должен был автоматически продлиться на пять лет⁴². Тем самым положение Ливонии неожиданно обострилось, она опасалась войны⁴³. Вильгельм вновь предложил для безопасности вступить в союз с Польшей, но сословия и в этот раз отклонили этот проект и надеялись только на свои силы и помощь императора⁴⁴. По всей вероятности, ливонцы намеревались достичь компромисса с Москвой⁴⁵. Тем не менее, орден предусматривал и развитие событий по наихудшему сценарию и начал собирать наемное войско. Вильгельм и Альбрехт даже стали опасаться, не направлено ли это на самом деле против них⁴⁶.

Вспыхнувшая весной 1551 г. в Ливонии эпидемия, смерть магистра ордена Иоганна фон дер Рекке (1551) и эмиграция его кузена, Тартуского епископа Иодока фон дер Реке⁴⁷, обострили обстановку. Однако избрание магистром ордена пожилого и миролюбивого протестанта Хейнриха фон Галена (1551–1557)⁴⁸ показалось Вильгельму подходящим, он даже понадеялся на улучшение сношений с орденом. Тем не менее, угроза войны представлялась для ливонцев вполне реальной, особенно в свете покорения русскими Казани в 1552 г. Ливонцы боялись, что после этого придет их черед⁴⁹. Поэтому магистр фон Гален в начале июля пригласил ландсгерров Ливонии на совещание в Старом Пярну «для спасения отечества». Предлагалось ввести военный налог во всей Ливонии, но это решение было отложено⁵⁰.

Возникает вопрос, не прекратил ли свое действие договор о перемирии 1550 г. между Россией и Ливонией осенью 1552 г.?⁵¹ Служащий Вильгельма, дворянин Георг Таубе, утверждал в 1554 г. в письме к герцогу Альберту, что перемирие давно закончилось⁵², выдвинутые в 1550 г. русскими дополнительные условия никто не выполнил. Тем самым положение в Ливонии с осени 1552 г. было крайне неустойчивым, хотя трудно точно сказать, как сами ливонцы и русские расценивали свои отношения. Магистр ордена все же надеялся на заключение мира⁵³, и осенью

⁴¹ Ibid. S. 496. № 1502.

⁴² Российская сторона обещала в случае благоприятного решения вопроса заключить следующее перемирие на 20–30 лет (Ibid. S. 496–497. № 1503).

⁴³ Кроме того, орден имел конфликт с датским королем из-за мызы Колга на севере Эстонии (Ibid. S. 497. № 1504).

⁴⁴ Ibid. S. 500, 503–506. № 1506/1, 1510, 1511.

⁴⁵ *Tiberg E.* Die Politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // *Zeitschrift für Ostforschung.* 1976. Т. 25. S. 593–594.

⁴⁶ НА 3. S. 509–513, 527–528. № 1514/1, 1514/2, 1515, 1516, 1524.

⁴⁷ Тартуский епископ Иодок фон дер Реке уехал, имея с собой, как утверждали, 70 000 марок, чтобы стать епископом Мюнстера (НА 4. S. 7. № 1529). Мюнстерским епископом был избран в 1553 г. Вильгельм Кеттлер, брат будущего ливонского мастера Готарда.

⁴⁸ Ср.: Ibid. S. 2. № 1527.

⁴⁹ Ibid. S. 30–31. № 1547. — Хотя Казань сдали только в октябре 1552 г., слухи о падении Казани имелись в Ливонии уже в январе того же года (Ibid. S. 31. № 1547). Они, наверное, были связаны с утверждением Шиг Адея в должности хана. Ср. *Filjushkin A.* Op. cit. P. 98–99.

⁵⁰ НА 4. S. 43–44, 56–58. № 1554/3, 1565.

⁵¹ Предположение об отсутствии мира сделано в работе: *Laidre M.* Dorpat 1558–1708: Linn väe ja vaenu vahel. Tallinn, 2008. Lk. 38.

⁵² НА 4. S. 96. № 1614.

⁵³ Ibid. S. 46. № 1556/2.

гонцы Ливонии должны были отправиться в Москву, но этому помешала, видимо, эпидемия чумы⁵⁴.

К 1554 г. положение в Ливонии заметно обострилось, и боязнь перед вторжением России существенно усилилась. Архиепископ Вильгельм вместе с братом Альбрехтом и мекленбургским герцогом Йоханном Альбрехтом I начали также реализацию «коадьюторского плана», в ходе которого пытались поставить на место коадьютора рижского архиепископа Альберта Кристофа, брата Йоханна⁵⁵. Кроме того, Вильгельм продолжал добиваться того, чтобы Ливония заключила союз с Польско-Литовским государством. Но в 1554 г. никто из сил внутри Ливонии не поддержал его план о союзе. Даже Рижский кафедральный капитул был против⁵⁶, не говоря уже об ордене, чьи отношения с Литвой стали крайне напряженными из-за пограничного инцидента⁵⁷. Предложения Вильгельма на ландтаге были отвергнуты⁵⁸, в том числе из-за боязни войны с Россией, которая была категорически против такого союза. Провал этих планов вызвал у Вильгельма опасение за свое будущее: он боялся, что его могут изгнать, как в 1551 г. дерптского епископа Иодока фон дер Рекке⁵⁹.

Деятельность ордена вызывала серьезное беспокойство у братьев, так как он продолжал собирать войска. Распространялись слухи о планируемой в Любеке встрече представителей магистра Ливонии с одним из ярых противников секуляризации орденской организации и герцога Альбрехта, магистром Тевтонского ордена в Германии (*Deutschmeister*)⁶⁰. Первоочередной целью политики Ливонского ордена была подготовка к возможной войне с Россией или Литвой, а вовсе не противостояние с Альбрехтом или Вильгельмом⁶¹.

Выдвинутое в 1554 г. Россией совершенно неожиданное для ливонцев требование «юрьевской дани»⁶², которое послы, превысив свои полномочия, включили в подписанный договор, вызвало у сословий Ливонии большое беспокойство⁶³. Орден пытался наладить отношения с потенциальными союзниками, но перегово-

⁵⁴ Ibid. S. 61. № 1569.

⁵⁵ *Bergengrün A.* Herzog Christoph von Mecklenburg, letzter Koadjutor des Erzbistums Riga: Ein Beitrag zur livländischen und mecklenburgischen Geschichte. Reval, 1898.

⁵⁶ HA 4. S. 84–85. № 1598, 1599.

⁵⁷ Ibid. S. 76–77. № 1590. — Гален считал, что из-за литовского вторжения мир между орденом и Коронаой закончился.

⁵⁸ Ibid. S. 87–88. № 1603.

⁵⁹ Вильгельм также сообщил Альбрехту, что он обанкротился: Ibid. S. 89. № 1604.

⁶⁰ Ibid. S. 100. № 1618.

⁶¹ Ibid. S. 102–103, 107. № 1622, 1624.

⁶² Хотя изначально дань требовали только от дерптского епископа, ответственность за ее платеж была распространена на всю Ливонию. См.: *Tiberg E.* Die Politik Moskaus... S. 597–627; *Raik K.* Eesti- ja Liivimaa kroonikakirjutuse kõrgaeg 16. sajandi teisel poolel ja 17. sajandi alul. Tartu, 2004. Lk. 123; *Selart A.* Der «Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter // Aus der Geschichte Alt-Livlands: Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag / Hrsg. von B. Jähnig und K. Militzer. Münster, 2004. S. 11–37.

⁶³ Магистр фон Гален жаловался, что посланники превысили свои полномочия (*Nordosteuropa und der Deutsche Orden: Kurzregesten*. Bd 1, Bis 1561. Bad Godesberg, 1969. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd 17). S. 209. № 1763). См.: *Laidre M.* Op. cit. Lk. 38–45; *Tiberg E.* Die Politik Moskaus... S. 583–597.

ры комтура Алуksне Филиппа Шаля фон Белля в том же июле 1554 г. с Сигизмундом II Августом не дали желаемых результатов⁶⁴. Той же осенью был отправлен в Швецию гонец ордена, яравский фогт Бернд фон Шмертен. Ливония обещала в случае русско-шведской войны поддержать короля, но военно-политический ливонско-шведский альянс не был оформлен⁶⁵. Через некоторое время после возвращения посольства из России архиепископ Вильгельм приступил к воплощению «коадьюторского плана», представив уже в конце июля детальный план организации приезда Кристофа в Ливонию⁶⁶. Можно предположить, что как раз неблагоприятный мир с Россией окончательно склонил архиепископа к активной реализации этого плана, который в итоге привел к печально известной междоусобной «войне коадьюторов» 1556–1557 гг.

Summary

The term «Russian threat» became relevant in medieval Livonia since 1470s. Until the beginning of 16th century the strongest power in Livonia, local branch of Teutonic Order, tried to fight against Muscovy's rising strength with the help of Lithuania, but afterwards tended to be neutral and thus truce was repeatedly prolonged between Livonia and Muscovy. On the same time Livonians tried to make impression to the western powers that their country was constantly in threat of Russian invasion. Beside the Order there most important political actor in Livonia was archbishop Wilhelm of Riga. He leaned mostly on his brother Albrecht, Duke of Prussia and his uncle, King Sigismund I of Poland. Russian threat was actually never main topic in his letters to his brother, however. In 1530s, when Wilhelm was coadjutor of archbishop and tried to become prince-bishop of Ösel-Wiek, he used «Russian card» to improve his political position: he claimed to the Pope, that his rival, Bishop Reinhold von Buxhoeveden, was elected hastily only because of imminent Russian threat and he is actually unworthy to this position. Later, in the beginning of 1540s, the same excuse was used to avoid paying Turkish tribute to the Emperor. Protestant-minded Wilhelm also claimed hypocritically, that he neither can be consecrated to Catholic priest nor go to Council of Trent, because of permanent threat from heretics (Protestants) and schismatics (Russians).

But there were also real incidents to be discussed. In 1533, Russians raided the Archbishopric of Riga and destroyed allegedly 80 villages, or, as stated in 1539, Russians raided eastern part of the Archbishopric and supposedly deported 10 000 peasants. But Wilhelm himself assured, that this conflict too, was actually quite minor and it was solved by 1541. In 1546, some gunners who tried to reach to Russia were captured in Archbishopric territory and this topic was quite thoroughly discussed in Wilhelm's letters to his brother. So it seems, that fear of Russian invasion was becoming real. Even

⁶⁴ HA 4. S. 112. № 1629.

⁶⁵ *Kruus H.* Op. cit. Lk. 29; *Laidre M.* Op. cit. Lk. 51; *Lenz W.* Joachim Burwitz' Bericht über Livland aus dem Jahre 1555 // *Zeitschrift für Ostforschung.* 1971. Bd 20. S. 711.

⁶⁶ HA 4. S. 112–113. № 1630.

more attention was afterwards turned to Ivan IV's agent in Holy Roman Empire, Hans Schlitte.

In 1550s, Livonians tried to prolong the truce with Muscovy. This ended in 1554 with very unfavorable peace conditions: Livonian ambassadors agreed to pay so-called «Tribute of Tartu» to the Czar. Archbishop Wilhelm then tried to organize alliance with Poland-Lithuania and Prussia, which caused confrontation with Livonian Order. It is quite likely, that sudden growth of Russian threat caused Wilhelm's decision to seek active external support and thus he finally agreed to Poland's and Prussia's devised «Coadjutor's Plan», which was perceived by Order as treason and led to last internal conflict, known as Coadjutor's Feud (1556–1557).

Статья подготовлена при поддержке совместного проекта РГНФ № 09-01-95105 а / Э и ЭТФ «Борьба за Прибалтику в XV–XVI вв. глазами современников и потомков».